

Большевизм сквозь призму биографии: Н.Я. Янчевский

Известно, что биографическая история за последние годы уверенно вошла в число наиболее приоритетных направлений развития отечественного историописания. Однако если прежде в центре внимания оказывались «герои большого исторического масштаба», то теперь взоры историков привлекают и те, кого ранее следовало бы отнести к персонам малозаметным или вовсе к антигероям в привычном понимании. Фигуры «маленьких» людей из глубины исторической «гримерки» сегодня все решительней выдвигаются на авансцену истории. К тому же их судьбы куда более адекватно и полно, чем биографии выдающихся личностей, отражают контекст прошедших времен, а историческая контекстуальность позволяет лучше ощутить и почувствовать личностный колорит изучаемой эпохи.

Возможности такого подхода наглядно продемонстрированы в монографии Н.А. Мининкова на примере «историка, писателя, революционера» Николая Леонардовича Янчевского*. Сюжет книги во многом навеян и характером научных конференций ежегодно проводимых Ростовским отделением Российского общества интеллектуальной истории – «Человек второго плана в истории». Среди организаторов этих конференций и автор рецензируемой книги, а также ряда других фундаментальных и новаторских исследований по истории Донской земли¹.

В его новой работе использовано много архивных материалов, в том числе из ранее закрытых фондов Архива УФСБ РФ по Ростовской области, большая часть сведений из которых впервые вводится в научный оборот. Это очень важное, но далеко не единственное достоинство книги. Монография имеет едва ли не оптимальное композиционное построение с точки зрения поставленных автором цели и задач: краткий биографический очерк (с. 13–42), анализ литературного творчества героя (с. 43–121), Янчевский в роли исследователя революции и гражданской войны на Северном Кавказе (с. 122–164), Янчевский как историк донского казачества (с. 165–232) и «конструктор нового исторического сознания» (с. 233–244). Каждая глава, словно под микроскопом, тщательно и выверено демонстрирует тот или иной срез творческой судьбы героя. А вместе они образуют столь необходимый исторической науке симбиоз, который позволяет увидеть Янчевского как многогранную, разностороннюю личность в единстве и борьбе ее противоположностей.

Предваряет монографию раздел «вместо введения», где автор описывает путь, пройденный им в поисках своего героя, путь, на котором научное оказалось тесно переплетенным с личным. Эти рассуждения словно создают впечатление непреднамеренности авторского выбора. Одна тонкая нить тянется еще из его студенческого прошлого, другая связана с педагогической деятельностью историка, сюда добавляются обрывки родительских воспоминаний и встречи с Инной Николаевной Янчевской. Как будто бы капризная Клио всякий раз заигрывает с ученым, провоцируя его исследовательский поиск. Не зря, все же, утверждают, что случай – это «разменная монета» закономерности.

В биографическом очерке Мининков по редким свидетельствам документов восстанавливает основные вехи жизненного пути Янчевского не просто в виде последовательно-хронологического нарратива, но именно как историко-культурную проблему, раскрывая взаимодействие и взаимозависимость конкретного человека и его времени. Биография героя развивается на фоне революционных процессов в России с их сложными коллизиями, которые, как убедительно показал автор, травматически отразились на формирующейся в этих условиях личности: «Заразившись характерной для своей эпохи безграничной верой в коммунистическую идею, он полностью подчинил ей всего себя и все свое творчество» (с. 36). Не удивительно, что судьба Янчевского оказалась вполне типичной для большевиков-романтиков той поры. Неприимимый борец за революционные идеалы оказался одной из жертв сталинского террора. Симптоматично, что данный раздел книги так и называется «Жизнь ради революции». Следующие 2 главы посвящены изучению художественного творчества Янчевского. Он показан здесь как поэт, писатель, драматург и литературный критик, посвятивший свою «лиру» делу торжества социализма, и революционным «глаголом» звавший современников на строительство молодого советского государства. Литературное поприще для него это не просто средство революционной пропаганды, но и форма передачи собственных чувств. Очень точно Мининков называет его выразителем поэтических и литературных вкусов победившей пролетарской диктатуры. При этом автор монографии аргументированно утверждает, что Янчевскому вполне «хва-

* Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 272 с.

тило богатства и разносторонности таланта удерживать свои позиции в русской литературе в течение 20-х годов и быть заметной фигурой в литературных кругах Ростова» (с. 43). Читатель имеет возможность самостоятельно убедиться в справедливости сказанного, познакомившись с публикуемыми в приложении стихотворениями и рассказом «Весной (из записной книжки бродяги)».

Наибольший интерес для нас представляют те разделы монографии, в которых рассматриваются исторические взгляды Янчевского. Здесь книга приобретает характер обстоятельного историографического исследования. Дается содержательная оценка научных построений историка-революционера не только в контексте веяний современного историописания с его акцентированной казуальностью прошлого, но и с точки зрения интеллектуальных запросов первых десятилетий существования советской власти. Такой комбинированный подход позволяет Мининкову обнаружить не одни лишь уязвимые места в исторических конструкциях Янчевского, но и весомый вклад ученого в развитие соответствующей проблематики. Как показано в монографии, исторические представления Янчевского в полной мере отразили сущностные противоречия ранней советской историографии, вызванные стремлением овладеть марксистско-ленинской методологией истории и применить ее в конкретно-исторических исследованиях. Однако, по наблюдению Мининкова, Янчевскому удалось усвоить преимущественно не дух, а букву марксистского анализа исторических ситуаций. Отсюда вытекали нередкие для его научных рассуждений догматизация марксизма, модернизация истории, экономический редукционизм и стремление «втиснуть» живую реальность прошлого в жесткие теоретические схемы. Впрочем, эти особенности, как подчеркивает Мининков, не столько отражали позицию советских историков 1920-х – начала 1930-х гг., сколько соответствовали будущим установкам времен «Краткого курса» истории ВКП(б). Для Янчевского, как и для многих его современников, была свойственна зачастую огульная критика взглядов дореволюционных историков при непосредственном заимствовании некоторых их концептуальных положений (например, теории колонизации В.О. Ключевского и др.). В то же время он, подобно своим собратьям по историческому цеху, в основном следовал в фарватере научных построений М.Н. Покровского, в частности, разделяя его теорию «торгового капитализма». Через признание Янчевским закономерного и объективного характера исторического развития революция и гражданская война на Северном

Кавказе в его творчестве оказываются неразрывно связанными с ранней историей донского казачества. При всей противоречивости и переменчивости суждений историка, оно для него с самых ранних пор неизменно оставалось носителем глубоко консервативных начал. В духе расхожей идеи Покровского (самодержавие – это торговый капитал в шапке Мономаха) Янчевский пришел к выводу, что казачество было порождением торгового капитала и изначально стояло на страже торговых интересов Московского государства.

Характеризуя методологические установки ученого, автор акцентированно проводит мысль о неразрывной связи истории и современности в научных построениях Янчевского, которые оказывались созвучными мыслям Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое. Мининков приводит убедительные свидетельства тому, что «в исторической науке сами советские историки видели выражение идеологии и существенную часть фронта идеологической борьбы» (с. 138). Аналогичным образом и Янчевский полагал, что историческая наука отражает идеологию господствующих классов. Аксиоматично, что связь истории и идеологии носит имманентный характер, поскольку в ней заключена потребность любого общества в самопознании. Вследствие чего историческая наука связана с идеологией этого общества, подпитывается ею и питает ее сама. Историк ищет в прошлом ответы только на те вопросы, которые ставит перед ним его собственная эпоха. Каждый ученый – дитя своего времени, и Янчевский, разумеется, не был исключением.

Предпринятый в монографии анализ теоретико-познавательных принципов Янчевского позволяет с их помощью и благодаря им объяснить характер и направленность его научного поиска. Отсюда становится ясен выбор Янчевским объекта своих конкретно-исторических изысканий – история донских казаков как закономерная предпосылка массового неприятия ими революционных идей большевизма. И в такой познавательной проекции имеется своя логика. Опыт прошлого является, и всегда будет являться необходимым фактором понимания современности. Историческая наука выводит из опыта прошлого уроки, которые понимались в разное время по-разному. Следовательно, исторический опыт и уроки истории – понятия не тождественные. Исторический опыт является объективной категорией. Это прошлое в его наиболее существенных проявлениях. Уроки же истории – категория субъективная. Это истолкование опыта прошлого в интересах и с позиций кого-либо или

чего-либо, в данном случае с позиций интересов пролетарской революции. Хотя Мининков, ссылаясь на мнение основоположника школы «Анналов» об «идолах истоков», указывает на условность и ограниченность подобной интерпретации, но вполне диалектически отмечает, что «эта совершенно справедливая мысль М. Блока нисколько не исключала признания немаловажного значения углубленного исследования “истоков” для понимания сущности и характера позднейших исторических процессов» (с. 166). В завершающей главе монографии автор показывает, как научные построения Янчевского становились способом воздействия на умы современников. «Историческое сознание казачества, выстроенное за длительный исторический период отчасти стихийно, а отчасти под активным воздействием монархической пропаганды, советскую власть не устраивало. Его необходимо было коренным образом менять» (с. 236). Попыткой конструирования нового исторического сознания в условиях строительства социализма в одной отдельно взятой стране и были книги Янчевского о революции и гражданской войне на Северном Кавказе, о ранних страницах и новой истории донского казачества. Потому-то Мининков считает правомочным рассматривать своего героя в роли своеобразного политтехнолога. Однако во времена, когда объективность научных исследований оценивалась их соответствием генеральной линии партии, Янчевский, не принявший формирующийся культ Сталина, априорно был обречен. Итоговый вывод монографии исполнен подлинного трагизма: «Будучи историком и партийным пропа-

гандистом, выступая в роли политтехнолога, Янчевский пропустил исторический поворот на рубеже 20–30-х годов и оказался на обочине советской политики, идеологии и историографии» (с. 243).

Казалось бы, вполне типичная судьба типичного революционера-большевика. Но нельзя не согласиться с Мининковым в том, что Янчевский при всех своих противоречиях и недостатках «был сильной личностью и характерным выражением своей эпохи. И в этом отношении он представляет для нас очевидный интерес» (с. 248). Настоятельно рекомендую прочитать эту познавательную и во многом поучительную книгу о трагической судьбе историка в стране, где творческая личность неизбежно гибнет в столкновении с тоталитарной системой либо интеллектуально, либо физически, как это произошло и с Николаем Леонардовичем Янчевским.

**В.Я. Мауль, доктор исторических наук
(Нижевартовский филиал Тюменского
государственного нефтегазового универси-
тета)**

Примечание

¹ См., напр.: *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983; *их же.* Кондратий Афанасьевич Булавин. М., 1988; *Мининков Н.А.* Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д, 1992; *его же.* Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1988.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: МФД, 2009. 576 с.

За шесть с половиной десятилетий, минувших после окончания Второй мировой войны, в нашей стране и за рубежом опубликовано огромное количество документальных материалов о ней. Сегодня даже трудно указать такой эпизод или аспект истории войны, который еще не получил освещения, благодаря публикации документов. Именно поэтому настоящим событием в этой области может считаться новое издание серии «Россия XX век. Документы», в котором впервые представлены хранящиеся в фондах Центрального архива ФСБ России материалы из следственных дел германских военачальников, находившихся в советском плену. Среди них протоколы допросов и собст-

венноручные показания генерал-фельдмаршалов Э. фон Клейста и Ф. Шёрнера, генералов Р. Шмидта, Г. Вейдлинга, Э. Ганзена, Э. Йенке и ряда других высших офицеров. Наряду с ними в сборник включены и ранее публиковавшиеся записи опросов рейхсмаршала Г. Геринга и генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, которые с согласия союзного командования провели советские представители летом 1945 г.

Анализируя историографию проблемы, авторы вступительной статьи справедливо отмечают, что при наличии работ отечественных историков, посвященных пребыванию генералов вермахта в плену¹, материалы их след-